

8. Тварная сущность существует не посредством тварного бытия (*esse*), а посредством восприятия энергии Бога как Бытия. Подобным образом тварное бытие обоживается не посредством приятия тварного совершенства, а посредством восприятия энергии Бога как Приснобытия.

Толлефсен пишет об очень важных предметах, и его книга, несомненно, будет полезна всем интересующимся столь актуальным сегодня проблемам как понимание обожения, степени причастности человека Богу, осмыслению понятия личности и т. п. Кроме того, весьма удачна идея книги — христологическая космология, которая достаточно ясно раскрыта автором. Таким образом, рецензируемая книга вносит свою лепту в изучение наследия одного из самых сложных византийских авторов.

А. М. Гагинский
(ИНИОН РАН, РПИ Иоанна Богослова)

Larchet J.-C. La théologie des énergies divines. Des origines à saint Jean Damascène. P.: Cerf, 2010. 479 p.

В последние десятилетия в том разделе гуманитарного знания, который занимается изучением христианского богословия, настойчиво ощущается необходимость в создании или, точнее, воссоздании богословия божественных энергий. Особенно остро этот вопрос встал в связи с интенсивно развивающимся, начиная с 30-х гг. XX в., изучением наследия святителя Григория Паламы. Достаточно упомянуть имена В. Н. Лосского, прот. Г. Флоровского, свящ. Д. Станилоэ, архим. Иустина (Поповича), прот. И. Мейендорфа, П. Христу и И. Романидиса. С. С. Хоружий усматривает в этой богословской и исследовательской деятельности признаки «нового направления православной мысли, которое позволительно обозначить как *православный* энергетизм»¹. Это направление мотивировано, с одной стороны, необычайной актуальностью православного учения о присутствии Бога в Своих энергиях, проявляющихся в нашем мире, что служит базовым аргументом для современной христианской апологетики, с другой — остротой современных богословских дискуссий о возможностях обнаружения трансцендентной божественной сущности в ее энергиях, что делает богословие энергий пространством для полемики между представителями христианских конфессий. Учение святителя Григория Паламы о божественных энергиях оказывается, таким образом, открытым на два фронта — по отношению к апологетическим и к полемическим задачам. А само богословие божественных энергий становится едва ли не основным критерием идентичности для православного богословия. Причиной для такого исключительного положения понятия энергии служит сложившийся уже к IV веку органон основных богословских категорий, в кото-

¹ Исихазм. Аннотированная библиография / С. С. Хоружий, ред. М., 2004. С. 44.

рый входят три рода понятий — сущность, ипостась и энергия. Рецензируемое издание находится как раз в русле этого течения православного энергетизма.

В связи с рассматриваемой темой стоит упомянуть недавно вышедшее посмертное издание лекционного курса В. В. Библихина, прочитанного им на философском факультете МГУ в 1990—1991 гг.², в котором, впрочем, проблема энергий рассматривается под своим углом зрения. Энергия для Библихина — понятие, детерминированное своей лексической стороной более чем семантической. Именно этим можно объяснить смешение в его книге таких далеких контекстов, как философия и биология, богословие и энергетика, метафизика и экономика. По мысли Библихина, человечество мобилизуется «в связи с исчерпанием запасов энергии» и потому обращается к проблемам духовной и психической энергии. Намерение Библихина — «иметь дело просто с самой вещью, с энергией», иными словами, изучать и обладать предметом исследования напрямую, а не обращаться к свидетелям и их свидетельствам, пусть даже и авторитетным. В качестве ключевой проблемы богословия божественных энергий Библихин выделяет принципиальное различие сущности и энергии в паламитизме, называя его «провалом паламитской мысли». Недостатки паламитского богословия энергий, согласно Библихину, восполняются в русской философской мысли XX века — в лице отца Павла Флоренского и больше всего в философии имени А. Ф. Лосева. Исследование Ларше может как раз ответить на поставленный вопрос о святоотеческой укорененности паламитского богословия, о его верности церковному Преданию и вообще о состоятельности богословия божественных энергий.

Автор книги Жан-Клод Ларше, известный православный патролог, принадлежащий к сербской церковной юрисдикции, уже хорошо знаком русскому читателю. Он рассматривает богословие энергий во втором из выделенных нами актуальных направлений — в связи с богословской актуальностью, или, если сказать точнее, в контексте богословских дискуссий с католиками. Ларше ставит основную проблему своего исследования как продолжение давнего, начавшегося еще в эпоху *паламитских споров* богословского спора об энергиях. Во введении он отмечает, что позиции католических исследователей до сих пор не свободны от идеологического давления и, тем самым, подчас далеки от объективности. Устойчивое мнение, которое разделяется большинством католических богословов (в пример Ларше приводит Б. Сесбуйэ, Б. Потье, Ш. Журне), заключается в отрицании реального существования божественных энергий и признании лишь их логического статуса, против чего в великом множестве говорят святоотеческие тексты первого тысячелетия, которые и представлены в основном содержании настоящего исследования. Внутренние мотивы католических богословов и патрологов Ларше сводит к томистскому учению о тварной благодати.

Более того, как показали недавние исследования, понимание категории божественной энергии существенно разошлось на Востоке и Западе еще задолго до Паламы. Ларше отмечает, что различие подходов по этому вопросу продолжает оставаться «неустранимым препятствием к достижению единства двух Церквей», а «отказ от рассмотрения этой проблемы — помехой для экуменического

² Библихин В. В. Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. Помимо конспектов лекций сюда входят и другие материалы, относящиеся к данной теме.

диалога между католиками и православными» (с. 18). Диалог этот затрагивает ряд ключевых вопросов, которые Ларше сводит к четырем: вопрос об исхождении Святого Духа (*Filioque*), вопрос о природе благодати — тварна она или нетварна, вопрос о познании Бога и, наконец, вопрос об обожении человека. Ответ на второй вопрос — о природе божественных энергий — проливает свет и на другие аспекты православного учения и духовности: значение Преображения Господня, одухотворение плоти, мистика света и почитание святых икон. Все эти проблемы многократно повышают значение богословия энергии в богословском диалоге между православными и католиками, столь оживившемся в последнее время. Разумеется, в связи с этим обстоятельством потребность в историко-богословских исследованиях, подобных настоящему, также значительно возрастает.

Главная проблема, поставленная в исследовании, заявлена автором отчетливо: «Представляется уместным задать вопрос, является ли различие сущности и энергии изобретением Паламы, или оно имеет прецеденты в предшествующей традиции... Если таковые существуют, уместно поставить следующий вопрос, в какой мере богословие Паламы сохраняет верность Преданию» (с. 19). Автор, будучи плодовитым переводчиком святоотеческого наследия на французский язык, касается также существенного вопроса передачи греческого слова «энергия» на французский язык. Он склоняется к применению трех основных эквивалентов сообразно разным значениям в конкретных контекстах. Это слова *énergie*, *activité* и *opération* (соответствующие рус. «явление», «деятельность», «действие»), каждое из которых выявляет один из аспектов богословского понятия энергии.

Книга построена как последовательное представление богословия божественных энергий в его становлении от дохристианских авторов (Платон, Аристотель, стоики и платоники, а также Филон Александрийский) через новозаветные тексты к христианским богословам «классической патристической эпохи» в соответствии с распространенным в западной патрологической науке представлением о классическом веке отцов, который ограничивается временем жизни преподобного Иоанна Дамаскина.

В период становления богословия энергий, который ограничивается доникейской эпохой, учение Платона об идеях имеет немало сходства с учением святых отцов о божественных энергиях. Для Аристотеля различие потенции и акта (*δύναμις* и *ἐνέργεια* — фр. *l'actualité*) не ограничивается лишь уровнем интеллектуального обобщения, но распространяется и на область метафизики, придавая тем самым энергии объективный статус (энтелехия). Это фундаментальное различие совершенно снимается в чистом акте, каковым является высшее бытие — теологическая категория аристотелизма, именуемая перводвижателем. Генеральное значение энергии у Аристотеля — реализация, осуществление — для большинства христианских авторов остается маргинальным. Наконец, стоики формулируют свою концепцию логосов, или, точнее, сперматических Логосов, которая в патристических источниках получит свое дальнейшее развитие и сближение с концепцией энергии. Таким образом, античная платформа для создания богословия энергии закладывается Платоном, Аристотелем и стоиками

в ее трех основных значениях — как явление (платоновская идея), как осуществление (аристотелевский акт) и как деятельность (стоический логос). Последующее развитие философской рефлексии в среднем и позднем платонизме ничего качественно нового к этому не добавляет, привнося лишь те или иные смысловые уточнения и активно применяя эти концепции к теологическим предметам. Среди многочисленных авторов особый вклад в становление понятия принадлежит Плотину, который различает энергию внутреннюю и энергию производную (соотв. *действие сущности* и *действие от сущности*), как, с одной стороны, принцип идентичности предмета, а с другой — как принцип распространения сущности через эманацию. Замечательно, что уже в неоплатонизме намечается концептуальная близость философского и богословского понимания энергии. Так, Ямвлих представляет себе соединение с божеством не по сущности, как Порфирий, а по энергии.

Разворачивая историческую панораму богословия божественных энергий, Ларше уточняет и принципы своей классификации патристического богословия божественных энергий. Он структурирует обширный материал по следующим пунктам: основные значения термина энергия, специально богословские значения, отношение божественной энергии и божественной сущности (природы) — различия между энергией и сущностью, многообразие энергий и простота божественной сущности; отношение божественных энергий с тварным миром, возможности постижения и причастия божественной энергии, божественная энергия и божественная благодать, вопрос о тварности или нетварности божественной энергии, распространение энергии вовне и внутри Божества. При всей определенности принципов систематизации Ларше исходит из особенностей мышления каждого из исследуемых авторов. При этом принципиальным вопросом остается диалектика сущности и энергии, которая формулируется как онтологическое (реальное) или логическое (интеллектуальное) существование божественной энергии.

В ходе своего исследования Ларше указывает на некоторые устойчивые тенденции как в православной, так и католической науке. «Значительное число западных патрологов, — пишет автор, — изучают отцов, обособляя каждого от его предшественников, от того, что христианский Восток называет “Преданием”, подчеркивая тем самым его предпочтения к тем или иным философским источникам» (с. 454). Отмечаются и крайности некоторых современных толкований божественных энергий среди православных богословов, в частности в сторону объективирования или обособления божественных энергий, для чего достаточных оснований в патристическом наследии не обнаруживается.

Переходя к рассмотрению святоотеческих концепций божественных энергий, следует отметить, что к настоящему времени появилось уже немало фундаментальных анализов исследований отдельных древних авторов и памятников³. Однако до сих пор не выходило единого обзорного исследования. Ларше пред-

³ См., например: *Василий (Кривошеин), архиеп.* Проблема познаваемости Бога: сущность и энергия у св. Василия Великого (1967) // Он же. Богословские труды 1952–1983 гг. Нижний Новгород, 1996. С. 230–241; *Karayianis B.* Maxime le Confesseur. Essence et énergies de Dieu. P., 1993.

лагает первый опыт подобного рода. Основы богословской гносеологии, в которой роль божественной энергии имеет ключевое значение, закладываются еще Филоном. У него понятие энергии появляется в основном в связи с вопросами богопознания. Бог непознаваем по сущности, но познаваем по энергии, причем, в двух направлениях: в сотворенном мире и в человеческой душе. Свойства, или божественные идеи, также непостижимы по своей сущности, но они проявляются в собственных действиях. Климент Александрийский называет Божественное Слово «отеческой энергией», что остается, правда, лишь этапом в развитии богословия энергий.

После многоголосия доникейских авторов, которым посвящена четвертая глава, Ларше выходит на простор святых отцов периода Вселенских Соборов, каждый из которых составляет эпоху в истории древнехристианского богословия: Афанасий, Каппадокийцы, Кирилл Александрийский, Псевдо-Дионисий, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин. При анализе учения святителя Афанасия Александрийского Ларше обращается к известным статьям прот. Георгия Флоровского, подчеркивавшего существенное различие между бытием по природе и творением по воле. У Афанасия в письмах к Серапиону впервые наблюдается четкое и последовательное различие сущности и энергии.

Дидим Слепец различает сущность и энергию, добавляя к последней категории имени. Он порой, хотя и не всегда, называет божественной энергией Святого Духа, что не получило дальнейшего развития в православном богословии. В то же время для него божественная энергия одна и та же у всех Лиц Святой Троицы, чем обеспечивается единство Их природы. При этом энергия понимается прежде всего как *действие* (opération).

Формирование богословия энергий у Каппадокийцев вызвано потребностями богословской полемики с Евномием, для которого энергия соотносится с ипостасью и часто тождественна ей, что в принципе недопустимо для православного богословия. Для Василия энергии — это, в первую очередь, атрибуты или типы деятельности, и только затем — проявления сущности. У Григория Богослова терминологическое употребление слова «энергия» встречается нечасто. Однако ход богословских рассуждений со всей очевидностью показывает его принадлежность к святоотеческой традиции богословия энергий.

Григорий Нисский широко пользуется понятием энергии в традиционном смысле, существенно его обогащая и дополняя. Так же как и для других Каппадокийцев, для него основная канва развития богословских идей — арианские споры, поэтому богословие языка занимает в его системе значительное место. Так, в его понимании божественные имена суть имена не божественной сущности, а божественных энергий, т. е. проявлений сущности. Особенность видения Григория Нисского также заключается в утверждении, что слово *Божество*, или даже *Бог*, является именем не сущности, но энергии, поскольку сущность не именуема. Святитель очерчивает два рода богословских имен (понятий): 1) относящиеся к Богу как таковому; 2) касающиеся обращенности Бога к миру. Ларше заключает: «Таким образом, бытие Бога в Его обращении вовне и Бога в Себе можно рассматривать не как сущность или природу, но как божественную энергию, распространяемую от Отца, через Сына в Духе Святом» (с. 230). Именно

энергии — источник нашего знания о Боге: «...[Бог] нас ведет как бы за руки через божественные энергии к обнаружению божественной сущности», — пишет Григорий Нисский.

Как установил еще Лосский в «Боговидении», понятие *συγκατάβασις* (божественное снисхождение), которое активно использует Златоуст, является эквивалентом понятию «энергия». Для него божественная энергия, помимо прочих своих свойств, обладает также некоей неистребимой непостижимостью для человека. Кирилл Александрийский, вклад которого в развитие богословия энергий оказался в науке недооцененным, пользуется понятием энергии необыкновенно часто и во многих значениях. Порой, как и у Дидима, энергией именуется Святой Дух, что для Каппадокийцев было совершенно исключено. В его богословской системе различение сущности и энергии имеет принципиальное значение для решения арианского вопроса. В то же время, энергия имеет онтологический статус (*in re*), а не логический (*κατ' ἐλίνοιαν*) — разумеется, это положение не утрачивает своей актуальности и для позднейших паламитских споров. Кирилл порой говорит об энергии Отца, непостижимой для человека. В отдельных контекстах его творений божественные энергии соответствуют божественным свойствам.

Псевдо-Дионисий привлекает понятие энергии в практическую экклезиологию, говоря об особых служениях (*ἐνέργεια*) отдельных церковных чинов — диакона, священства и епископства; эти служения соответствуют божественным действиям — очищение, просвещение, освящение. Выражение «теандрическая энергия», которое изобретает псевдо-Дионисий, по мнению Ларше, неудачно, хотя выражает вполне православную мысль. Автор Ареопагитского корпуса придерживается дифелитской христологии, а данный термин призван лишь указать на предельно тесное соотношение божественного и человеческого во Христе. У Псевдо-Дионисия наблюдается самостоятельная терминология и собственное раскрытие содержания понятия энергия. *Соединения и различения* — вот область применения богословия энергий. Первое относится к общей для трех ипостасей природе. Второе — 1) к отличительным ипостасным признакам и 2) к проявлениям (*πρόοδοι*) божественной природы в тварной природе. Божественные имена в системе Дионисия предстают эквивалентами божественных энергий, что является исключительной особенностью богословия этого автора. В основе иерархической системы Дионисия лежит принцип *посильной причастности* тварных существ божественной энергии / благодати.

Глава, посвященная Максиму Исповеднику, в книге Ларше — крупнейшего специалиста по изучению наследия этого святого — является самой большой и для настоящего исследования центральной, поскольку в мысли Преподобного богословие божественных энергий достигает своей кульминации; все предшествующее повествование измеряется влиянием богословия энергий святых отцов, предваряющих преподобного Максима. В системе Максима ключевое значение имеют два аспекта — богопознание и богопричастие. Контекст для этих тем задается, как это наблюдалось и прежде, современными ему богословскими спорами, на этот раз, монофелитскими: природа познается в своей или через свою энергию. Максим вводит дополнительные категории — модусы присутствия

природы, ипостаси и энергии: *логос* и *тропос* соотносятся как природное и ипостасное. Поэтому допустимо говорить о тропосе энергии как об индивидуальном действии. Вопрос о соотношении понятий *логоса* и *энергии* не получает в рассматриваемом исследовании окончательного ответа. Ларше все-таки не склонен напрямую отождествлять эти два понятия.

В заключение следует сказать, что настоящая монография как по глубине и адекватности анализа обширного патристического материала, так и по значению своего предмета является необычайно ценной публикацией, а ее выход — заметным событием в христианской науке и богословии. В то же время, хочется надеяться, что исторический обзор становления богословия божественных энергий, остановившийся на преподобном Иоанне Дамаскине, является хотя и значительным, но все-таки промежуточным итогом изучения Ж.-К. Ларше святоотеческого наследия, за которым последует не менее масштабное продолжение.

П. Б. Михайлов
(ПСТГУ, ИФ РАН)

The Origins of the Platonic System. Platonisms of the Early Empire and their Philosophical Contexts / M. Bonazzi, J. Opsomer, eds. Louvain; Namur; P.; Walpole (MA): Peeters, 2009.

Сборник «Начала платонической системы. Платонизмы Ранней Империи и их философские контексты» вышел в 2009 г. Данное издание было осуществлено при содействии Миланского и Кёльнского университетов и представляет собой плод совместного труда французских, итальянских и немецких ученых. В качестве научных редакторов сборника выступили профессор истории античной философии Миланского университета Мауро Бонацци — автор комментированного издания перевода Платонова *Менона* (2010), фрагментов софистов (2007) и монографии по среднему платонизму (2003), а также профессор Кёльнского университета Ян Опсомер.

Научная проблематика, затрагиваемая в сборнике, убедительно раскрыта во введении через постулирование несомненной необходимости изучения «истории систематизации учения Платона»¹.

Авторы статей, вошедших в сборник, не ставят перед собой новых, ранее не обсуждавшихся проблем, однако их исследования являют собой нечто большее, чем введение в историю того или иного вопроса, имеющего отношение к среднему платонизму. Одна из непосредственных задач настоящей работы состоит, по мнению редакторов², в том, чтобы предложить внимательную и непредвзятую трактовку философии представителей среднего платонизма, которая не сводилась бы к простому утверждению об эклектизме их учений. Помимо кри-

¹ The Origins... P. 1.

² Ibid. P. 2.